

§ $\frac{15}{393}$

~~_____~~ В. 6^а

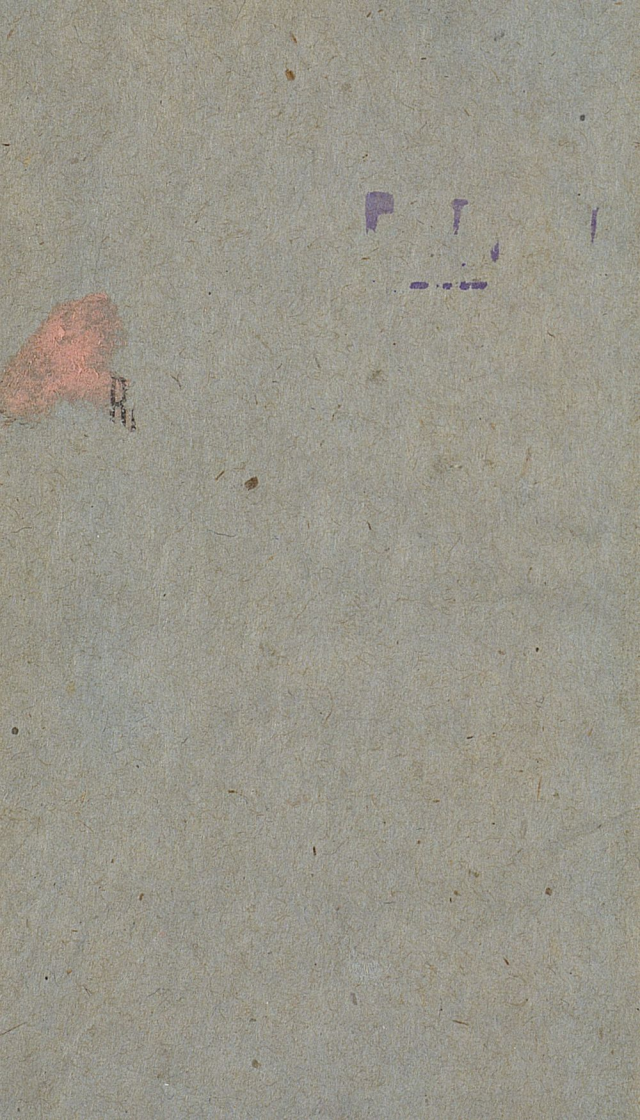
Соловьев и
Филарет

А

Религіозно-философская

БИБЛІОТЕКА.

Выпускъ VI. ^а

393

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ

въ изъясненіи

Влад. Соловьева и М. Московскаго
Филарета.

Цѣна 20 коп.

Г. Вышній-Волочекъ.
Типографія В. С. Соколовой.
1911 г.

„Религіозно-философская Библіотека“.

1. Выпуски „Религіозно-философской Библіотеки“.

Выпускъ I-й: „Забытый путь опытнаго Богопознанія“, изд. 2-е. *М. Новоселовъ*. Цѣна 25 коп., съ перес. 30 коп.

Выпускъ II-й: Исканіе Бога. Сборникъ. *Ол. Никола, Гр. М. Сперанскій, Пинатій Брянчаниновъ и др.*, изд. 2-е. Цѣна 25 к., съ перес. 30 коп.

Выпускъ III-й: „Вѣчная жизнь какъ высшее благо“. Изд. 2-е. Цѣна 30 коп., съ перес. 35 коп.

Выпускъ IV-й: „Соціальное значеніе религіозной личности“. Сборникъ. *Влад Соловьевъ, Гербертъ Спенсеръ, Достоевскій, Герценъ, Тихомировъ*. Цѣна 50 к., съ пер. 55 коп.

Выпускъ V-й: „Личность, общество и церковь“. *Л. Тихомировъ*. Цѣна 30 к., съ пер. 35 коп.

Выпускъ VI-й: „Молитва Господня“ въ изъясненіи *Влад. Соловьева* и *М. Московскаго Филарета*. Цѣна 20 коп.

Выпускъ VII-й: „Значеніе свободнаго слова для личности, общества и церкви“. Сборникъ. *А. С. Хомяковъ, К. и И. Аксаковы, Влад. Соловьевъ*. Цѣна 20 к., съ перес., 25 коп.

Выпускъ VIII-й: „О цѣли образованія“. Сборникъ. *Н. Пироговъ, Л. Толстой, проф. В. Несмьловъ, К. Ушинскій, Амосъ Коменскій*. Цѣна 30 коп., съ перес. 35 коп.

Выпускъ IX-й: „Альтруизмъ и христіанская любовь“. *Л. Тихомировъ*. Цѣна 15 коп., съ перес. 20 коп.

Выпускъ X-й: „Религія и нравственность“. Сборникъ. *Л. Толстой, проф. Кудрявцевъ - Платоновъ, проф. Гусевъ* и др. Цѣна 30 коп., съ перес. 35 коп.

Выпускъ XI-й: „Нравственный смыслъ основныхъ христіанскихъ догматовъ“. *Архіеп. Антоній (Храповицкій)*. Цѣна 25 коп., съ перес. 30 коп.

Выпускъ XII-й: „Что такое Библія“. Цѣна 25 к., съ перес. 30 коп.

Выпускъ XIII-й: „Какъ читать Библію“. Цѣна 35 к., съ перес. 40 к.

Религіозно-філософська

БІБЛІОТЕКА.

Выпускъ VI.^a

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ

ВЪ ИЗЪЯСНЕНІИ

Влад. Соловьева и М. Московскаго
Филарета.

Г. Вышній-Волочекъ.

Типографія В. С. Соколовой.

1911 г.

История

Г. Вышній-Волочекъ, типографія В. С. Соколовой.

2007341331

*Шестой выпускъ „Изъ разговоровъ о войнѣ“
распроданъ; его замѣняетъ настоящій.*

*„Изъ разговоровъ о войнѣ“ вышло теперь
не „выпускомъ“, а „изданіемъ“.*

Влад. Соловьевъ.

О молитвѣ Господней*).

Мы вѣримъ въ добро, но знаемъ, что въ насъ самихъ нѣтъ добра. Итакъ, мы должны обратиться къ Сущему Добру, должны отдать Ему свою волю, принести Ему духовную жертву,—должны молиться Ему. Кто не молится, т. е. не соединяетъ своей воли съ Высшею Волею, тотъ или не вѣритъ въ эту Высшую Волю, не вѣритъ въ добро, или же считаетъ себя самого полновластнымъ обладателемъ добра, свою волю считаетъ совершенною и всемогущею. Не вѣритъ въ добро есть нравственная смерть, вѣритъ въ самого себя, какъ въ источникъ добра, есть безуміе. Вѣритъ въ Божественный Источникъ добра и молится Ему, отдавая Ему свою волю во всемъ, есть истинная мудрость и начало нравственнаго совершенства.

---

*) Взято съ нѣкоторыми сокращеніями изъ „Духовныхъ основъ жизни“ (Изд. 3-е. 1897 г., гл. I).

Вѣра безъ дѣлъ мертва, а молитва есть первое дѣло и начало всякаго истиннаго дѣла: здѣсь мы дѣйствуемъ въ Богѣ, и Богъ дѣйствуетъ въ насъ. Это уже есть начало новой духовной жизни. Мы уже ощущаемъ въ себѣ ея первое движеніе. Мы знаемъ, что эта жизнь *въ насъ* и составляетъ лучшую часть насъ самихъ. Но мы также знаемъ, что она *не отъ насъ*, не нами создана, а *дана* намъ—это свободный даръ. И если этотъ даръ есть благой, если ощущение этой новой жизни возвышаетъ и просвѣтляетъ нашу душу, то и исходить даръ этой жизни можетъ только „свыше, отъ Отца свѣтовъ“. Эта жизнь не отъ насъ, а отъ Отца свыше; но она въ насъ, она наша, и Отецъ этой новой жизни есть *нашъ* Отецъ.

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ. Если мы сами не ощутили въ себѣ новой небесной жизни, если мы живемъ только одною прежнею жизнью, въ которой преобладаетъ немощь, грѣхъ и смерть, то эти слова, „Отецъ нашъ небесный“ не имѣютъ для насъ смысла, ибо Отецъ небесный не есть Отецъ немощи, грѣха и смерти*). Ощутивъ же Его

---

*) Вотъ почему и Христосъ на крестѣ, ставши за насъ клятвою и принявъ, хотя и безъ собственной вины, послѣдствія общаго человѣческаго грѣ-

дѣйствительно Отцомъ въ томъ движеніи новой жизни, которую мы имѣемъ отъ Него, мы воистину вѣруемъ въ Него, вѣруемъ, что въ Немъ все—добро, и все—свѣтъ, и все жизнь, что Онъ есть единое истинное и достойное бытіе, единственная цѣль и предметъ желанія.

Кто воистину вѣритъ въ Бога, тотъ не можетъ желать ничего, кромѣ Бога. Но что же значитъ: желать Бога?

Мы не можемъ желать Бога для себя, какъ какого-нибудь предмета; мы не можемъ желать, чтобы что-нибудь совершилось въ самомъ Божествѣ всесовершенномъ, въ Которомъ все уже совершено, но мы должны желать совершенія себя въ единеніи съ Богомъ.

Богъ вѣчно есть Самъ въ Себѣ, но мы должны желать, чтобы Онъ сталъ существовать для насъ; ибо пока мы живемъ по своей и мірской волѣ, Богъ для насъ какъ бы не существуетъ.

Богъ есть Вседержитель, все въ Себѣ заключающій, и мы сами принадлежимъ Ему.

ха--немошь и смерть, уже не называетъ Бога, какъ прежде, Отцомъ, но вмѣстѣ со всею тварью, которая стонаетъ и мучится донинѣ, въ смертельной скорби восклицаетъ: Эли, Эли, лама савахвани.

Но мы должны принадлежать Ему не только по силѣ Его владычества, но и во имя Его Божественнаго совершенства, — ради Него Самого, какъ высшаго блага, Единаго благого: мы должны принадлежать Ему свободно и добровольно.

Богъ неизмѣненъ въ Себѣ, но мы должны желать, чтобы Онъ измѣнился для насъ, т. е. чтобы мы сами измѣнились сообразно Ему. Такъ отъ вѣка неизмѣнное солнце получаетъ новую силу для прозрѣвшаго слѣпого, потому что онъ измѣняется и получаетъ новую силу, становясь свѣтопріемнымъ.

Итакъ, желая Бога, мы должны стать сообразны Ему, чтобы имя Его светилося въ насъ. *Да святится имя Твое.*

Желать Бога значитъ желать добровольно принадлежать Ему. Это наша внутренняя добровольная принадлежность Богу составляетъ Его царствіе въ насъ; и объ этомъ внутреннемъ царствѣ мы уже молились, когда говорили: да святится имя Твое. Но если мы вправду этого желаемъ, то мы должны желать, чтобы Богъ царствовалъ не только въ тайнѣ нашего сердечнаго чувства, но и явно на дѣлѣ; а это будетъ тогда, когда не только отдѣльныя души, но

и всѣ существа отдадутся Богу и образуютъ собою Его настоящее царствіе. Такого царства Божія еще нѣтъ въ мірѣ: но, вѣря въ Бога, мы надѣемся и на торжество дѣла Божія въ мірѣ*). Объ этомъ явномъ и все-ленскомъ царствѣ Божиѣмъ мы молимся, когда говоримъ: *да придетъ царствіе Твое.*

Мы не говоримъ: да будетъ *создано* или да *сотворится* царствіе Твое,—но, да *прійдетъ*. Прійти можетъ только то, что уже есть. Царство Божіе само-по-себѣ уже есть, ибо все подчинено въ существѣ своемъ Богу—Вседержителю. Но мы должны желать, чтобы царство Божіе было не только *надъ* всѣмъ, что уже есть, но и *во всемъ*, чтобы Богъ былъ *все во всѣхъ и всѣ были едино въ Немъ*. Богъ есть добро, не знающее границъ, благость, не знающая зависти; поэтому Онъ хочетъ сообщаться всему, Его воля—быть всѣмъ во всѣхъ. И такъ какъ Онъ есть Единое добро и благо, то лишь желая исполненія этой Его воли—быть всѣмъ во всѣхъ—мы желаемъ добра всему. И единственное къ этому препятствіе заключается

---

*) Это торжество настанетъ не на этой, подлежащей огню, землѣ (2 Петр. 3, 10, 12), а на землѣ *новой*, на которой, по слову апостола, и будетъ обитать правда (13). *Ред.*

въ волѣ существъ, не отвѣчающей волѣ Божіей, не принимающей въ себя Божественнаго добра. Воля есть собственная сила всякаго существа, начало всякаго дѣйствія и всякой дѣйствительности; поэтому, пока наша воля не принимаетъ Бога, до тѣхъ поръ Его нѣтъ и въ нашей дѣйствительности; пока мы сами этого не хотимъ, то и воля Божія не исполняется въ насъ. Пока нашъ міръ *самъ* не хочетъ быть царствіемъ Божіимъ, до тѣхъ поръ Богъ и не царствуетъ въ немъ, и этотъ міръ остается землею, отдѣленной отъ небесъ, землею, на которой нѣтъ воли Божіей*). Существа же, добровольно и окончательно подчинившіяся Богу, сами открывшія Ему доступъ къ себѣ и сдѣлавшія свою волю только формою и исполненіемъ воли Божіей,—такія существа составляютъ Божественный міръ, небеса, или царство славы. Тамъ воля Божія исполняется волею всѣхъ, и потому царствіе Божіе уже пришло. И желая его пришествія къ намъ на землю, мы должны желать, чтобы воля Божія была на землѣ такъ

---

*) Нѣтъ *въ полнотѣ*, имѣющей открыться на новомъ небѣ и новой землѣ, но она *непрерывно* дѣйствуетъ въ мірѣ, приготовляя „новую тварь“ для новаго, грядущаго вѣка воскресенія. *Ред.*

же, какъ она на небесахъ, т. е. не въ противорѣчїи съ собственною волею творенїя, а въ полномъ согласїи съ нею, такъ чтобы вся тварь сама хотѣла только того, чего хочетъ Богъ.

Да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли. Этою молитвою мы и сами отдаемъ свою волю Богу, а равно и для всѣхъ существъ, для всего творенїя призываемъ вольный союзъ съ волей Божїей, въ которой все добро для всѣхъ. Этою молитвою мы для всѣхъ желаемъ единого истиннаго блага и всю вселенную обнимаемъ одною любовью, а чрезъ это не только призываемъ, но уже и исполняемъ въ себѣ волю Божїю, которая есть любовь.

Говоря: да будетъ воля Твоя—мы даемъ волѣ Божїей *возможность* дѣйствовать чрезъ насъ. Но намъ еще нужно подумать о тѣхъ *дѣйствительныхъ* условїяхъ, при которыхъ союзъ нашей воли съ Божественною можетъ укорениться въ почвѣ нашего сердца. Ибо нужны дожди ранніе и поздніе, чтобы принятое свыше сѣмя духовной жизни могло принести плодъ свой.

Хотя мы и отдались волѣ Божїей и во истину хотимъ, чтобы эта единая Воля исполнилась въ насъ и чрезъ насъ, но троя-

каго рода препятствія становятся между нашимъ желаніемъ и нашею дѣйствительностью. Эти препятствія, съ которыми мы сталкиваемся неизбежно, находятся: во-первыхъ, въ испорченной чувственной природѣ человѣка (наше настоящее); во-вторыхъ, въ нашихъ прежнихъ дурныхъ дѣлахъ (наше прошедшее); и въ-третьихъ, если-бы мы и разсчитались съ своимъ прошедшимъ и побороли свое настоящее зло, болѣе трудныя препятствія являются въ видѣ предстоящаго намъ тайнаго воздѣйствія враждебныхъ силъ (наше будущее). Хотѣть исполненія воли Божіей значитъ хотѣть устраненія этихъ тройныхъ препятствій. Итакъ, мы должны желать: во-первыхъ, укрощенія нашей природы (воздержаніемъ); во-вторыхъ, искупленія нашихъ грѣховъ (правдою) и, наконецъ, въ-третьихъ, огражденія насъ отъ предстоящихъ напастей (духовною крѣпостью).

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь. Въ двухъ случаяхъ наша чувственная природа бываетъ препятствіемъ дѣлу Божію въ насъ: когда мы совсѣмъ отвергаемъ ея силу, впадая въ духовную гордость, и когда мы ей вполне подчиняемся, впадая въ духовное рабство. Впрочемъ, первый случай въ концѣ своемъ сводится ко второму; ибо

сколько бы мы ни отвергали силу и значеніе чувственной природы (плоти), отдѣлаться отъ нея мы не можемъ; поэтому на дѣлѣ, отрицая власть плоти, мы только оправдываемъ свое бездѣйствіе въ борьбѣ съ нею и обезпечиваемъ ея побѣду надъ духомъ; такъ что мнимая наша свобода приводитъ къ увеличенію дѣйствительнаго рабства. Это мы яснѣе увидимъ, когда будемъ говорить объ искушеніяхъ. А теперь замѣтимъ только, что прошеніе о хлѣбѣ насущномъ днесъ указываетъ намъ на должное и истинное наше положеніе относительно потребностей природы, — положеніе одинаково далекое и отъ гордости ложнаго спиритуализма и отъ визости практическаго матеріализма: „хлѣбъ нашъ насущный днесъ“ значитъ то, что необходимо для нашей природы *въ каждое данное время*. Здѣсь не раздѣляются потребности духовной и матеріальной природы. И на самомъ дѣлѣ онѣ нераздѣльны у насъ, одухотворенныхъ животныхъ и духовъ воплощенныхъ.

Мы желаемъ, чтобы открывшійся въ насъ начатокъ духовной жизни былъ поддержанъ, потому что онъ окруженъ чувственною природою и стихіями міра и безъ поддержки можетъ быть поглощенъ матеріей. Но мы

желаемъ также, чтобы и чувственная наша природа была удовлетворена для того, чтобы она могла послужить средою и орудіемъ нашей духовной жизни. Обѣ наши жизни, духовная и физическая, нуждаются въ питаніи, или хлѣбѣ насущномъ; первая для себя, а вторая для первой. Хлѣбъ насущный для духа—это всѣ тѣ воздѣйствія свыше и совнѣ, которыя поддерживаютъ нашу добрую волю и питаютъ нашу духовную жизнь. Мы просимъ этого сверхъсущественнаго хлѣба, потому что знаемъ, что источникъ нашей духовной жизни не въ насъ самихъ, а выше, и что отдѣленная отъ этого источника она изсякнетъ. Но просимъ также хлѣба насущнаго и для нашей плоти, т. е. всего того, чѣмъ обезнечивается наша матеріальная жизнь; потому что мы знаемъ, что наша плоть есть та земля, изъ которой и на которой должно вырасти дерево вѣчной жизни, та земля, которую Богъ хочетъ сдѣлать цвѣтущею и плодоносною.

Прошеніемъ о хлѣбѣ насущномъ мы освящаемъ нашу матеріальную жизнь, соединяемъ и ее съ волею Божіей.

Зло нашей матеріальной жизни не въ ней самой, а въ томъ, какъ относится къ ней наша душа въ свой волѣ. Зло не въ ма-

теріальному наслажденію, а въ душевномъ пожеланіи, съ нимъ соединяющемся. Пожеланіе есть такое вольное движеніе души, которымъ мы ищемъ матеріальнаго наслажденія *ради него самого* и отдаемъ этому наслажденію въ полную власть съ потерей всякаго самообладанія, становясь дѣйствительно рабами плоти. Здѣсь удовлетвореніе плоти становится цѣлью само по себѣ, и чрезъ то жизнь плоти отдѣляется отъ жизни Божіей, въ которой единая истинная цѣль. Въ этомъ *отдѣленіи* природной жизни отъ жизни Божественной—отдѣленія, совершаемомъ чрезъ пожеланіе души, заключается существеннымъ образомъ зло и грѣхъ плоти. Богъ, какъ безусловная цѣль, есть опредѣляющее начало нашей жизни; отдѣленная отъ Бога, поставленная какъ цѣль сама по себѣ, наша матеріальная жизнь теряетъ и всякій *предѣлъ*, получаетъ характеръ безграничности и ненасытности, ненаполнимой пустоты, въ которой она становится мученіемъ и зломъ. *Въ Богѣ предѣлъ матеріи*. Отдѣленная отъ Него, она есть дурная безконечность, огонь неугасимый, жажда неутолимая и вѣчное мученіе. Но нашу молитвою именно упраздняется роковое отдѣленіе матеріальной жизни отъ

Бога, эта жизнь вводится въ свой предѣлъ, относится къ своей цѣли. „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“ — это прежде всего обѣтъ воздержанія — допускается только необходимое, исключается все лишнее.

Мы желаемъ только *насущнаго* и только *днесь*: словомъ „насущный“ полагается *предѣлъ* плотскому *хотѣнію*, а словомъ „днесь“ полагается предѣлъ плотскому *помышленію*. Ограничивая всю нашу матеріальную жизнь только тѣмъ, что по волѣ Божіей необходимо для насъ въ данное время, мы придаемъ этой жизни тотъ условный и подчиненный характеръ, который она *должна* имѣть. Прошеніе хлѣба насущнаго днесь показываетъ, что матеріальное удовлетвореніе, жизнь плоти уже не составляетъ для насъ сущности и цѣли и собственнаго предмета нашей воли, но желается нами только какъ средство и необходимое условіе для исполненія чрезъ насъ воли Божіей и для нашего служенія дѣлу Божію на землѣ. Въ этомъ прошеніи человѣческая воля, свободно подчиняя Вышней Волѣ всѣ низшія стремленія и потребности матеріальной природы, вводитъ нашу текущую дѣйствительность въ вѣчный планъ Божественнаго дѣйствія, относить къ Богу и связываетъ съ

Богомъ нашу вседневную жизнь, наше настоящее.

Но наше настоящее не можетъ быть истинно соединено съ Богомъ, пока надъ нами тяготѣютъ дѣла нашего прошедшаго, безъ Бога содѣянныя. Чтобы начать жить по-Божьи, намъ должно прежде исполнить всякую правду. Мы связаны прежнею неправдою и должны рязвязаться съ нею для того, чтобы связать свою жизнь съ дѣломъ Божиимъ. Прежде чѣмъ приобрѣтать новое благо, мы обязаны уплатить старый долгъ, Это есть требованіе правды. Мы не можемъ исполнить этого требованія однимъ тѣмъ, что впредь будемъ творить правду и жить по-Божьи, ибо это мы и безъ того должны, это не есть уплата прежняго долга, а только исполненіе настоящей обязанности. Уплатить своего стараго долга мы не можемъ, и должны рѣшительно признать свою несостоятельность. Какъ возрожденія своего настоящаго, такъ и искупленія своего прошлаго мы должны ждать только отъ Бога: *И остави намъ долги наша.* Но и въ этомъ оставленіи или отпущеніи нашихъ грѣховъ не должно быть нарушено требованіе правды—чтобы мы поступали съ другими такъ, какъ хотимъ, чтобы было поступлено съ

нами. И такъ: остави намъ долги наша, *якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*. Эти слова не ту имѣютъ силу, чтобы, прощая чужіе долги, мы сами искупали или уравнивали свои собственные: для такого равновѣсія нужно было бы, чтобы мы были должны тѣмъ же самымъ, кто и намъ долженъ, чего обыкновенно не бываетъ. Но для Отца Небеснаго все человѣчество есть одна семья, и то, что мы отпускаемъ одному изъ братьевъ (нашъ нравственный подвигъ прощенія), то Отецъ Небесный можетъ употребить и на пользу другого. Для Него важно не внѣшнее соотвѣтствіе между дѣяніемъ и возмездіемъ, а самое внутреннее наше душевное дѣйствіе. Прощеніе, какъ тайное движеніе нашего сердца, имѣетъ дѣйствующую силу и тогда, когда внѣшнее дѣло уже невозможно.

Прощеніе смываетъ послѣдствія прежнихъ обидъ и очищаетъ отъ грѣха наше прошлое. Для того же, чтобы и будущее наше охранить отъ грѣха, должно обратиться къ самой его причинѣ. Причина же всякаго зла въ насъ не что-нибудь случайное и внѣшнее, не то или другое дѣло и событіе, а сама наша испорченная природа, унаслѣдованная нами отъ первобытнаго человѣка. Въ

глубинѣ нашего существа, въ самой основѣ нашей души, иногда для насъ вполне незнано таятся и скрыто дѣйствуетъ сила первороднаго грѣха,—сила темная, безумная и злая. Это есть та самая сила, которая отдѣляетъ насъ отъ всего и отъ всѣхъ, замыкаетъ насъ въ самихъ себѣ дѣлаетъ насъ непроницаемыми и непрозрачными; она есть сила бессмысленная и начало всякаго безумія, ибо, отдѣляя насъ отъ всего, она разрываетъ для насъ всякую связь съ міромъ Божиимъ, лишаетъ насъ общенія со всѣмъ и закрываетъ отъ насъ то наше истинное отношеніе ко всему, которое составляетъ разумный смыслъ (ratio) нашей жизни. Но темная и бессмысленная сила, дѣлающая насъ безумными, дѣлаетъ насъ и злыми. Ибо отдѣляя себя ото всего, мы противопоставляемъ себя всему, а противопоставляя себя всему, мы отрицаемъ все во имя себя и стремимся все подчинить себѣ и подавить, а сопротивляющееся сломить и уничтожить. Только обратившись внутренно къ Богу—Вседержителю, въ Которомъ изначала пребываетъ смыслъ (logos) всего и Который есть любовь,—только связавъ себя вѣрою съ Началомъ всякаго добра, мы получаемъ свободу отъ принудительной власти надъ нами

грѣховнаго начала. Мы перестаемъ быть невольниками грѣха, какъ только признаемъ надъ собою волю Божію. Та воля, съ которою мы рождаемся, воля нашей плоти подчинена природѣ, а природа подчинена грѣху, господствующему въ ней. Итакъ, пока мы дѣйствуемъ только *отъ себя*, или отъ своей воли, мы неизбѣжно дѣйствуемъ отъ грѣха, дѣйствуемъ, какъ рабы и невольники грѣха. Имѣть *только свою* волю значить для насъ не имѣть воли, быть несвободными. Ибо наша воля уже подчинена грѣху, подчинена по рожденію, т. е. невольно. Природный человѣкъ не самъ, не своею волею подчиняетъ себя грѣху, но грѣхъ уже владѣетъ имъ помимо его воли, какъ своимъ наслѣдіемъ.

Для новорожденнаго духовнаго человѣка грѣхъ уже не есть фактъ, неизбѣжно тяготящій надъ его волей, а только возможность для его воли. Для того, чтобы грѣховное начало изъ этой возможности перешло въ дѣйствительность и снова овладѣло человѣкомъ, оно нуждается въ возбужденіи. Для такого человѣка вызывающею причиною грѣха станетъ дѣйствіе извнѣ—то, что называется *искушеніемъ*.

Искушеніе бываетъ только для людей духовныхъ, или людей Божіихъ. Человѣкъ

безбожный, чтобы творить зло, не нуждается въ искушеніи: онъ творить зло просто въ силу своей испорченной природы, по закону грѣха, который уже обладаетъ имъ. Но человѣкъ Божій закону грѣха прямо не повиненъ. Грѣхъ, какъ грѣхъ, не имѣетъ надъ нимъ власти и не дѣйствуетъ на него: онъ можетъ быть увлеченъ грѣхомъ только тогда, когда грѣхъ представится какъ безгрѣшное, и зло приметъ видъ добра, въ чемъ и состоитъ сила искушенія.

Мы знаемъ три главные рода грѣха: грѣхъ чувственной души, или похоть (грѣхъ плоти): „похоть зачавши рождаетъ грѣхъ, а содѣянный грѣхъ рождаетъ смерть“; далѣе, грѣхъ ума—самоувереніе, или самовозношеніе, которое ведетъ къ заблужденію, а упорство въ заблужденіи порождаетъ ложь и обманъ, и, наконецъ, грѣхъ собственно духа—властолюбіе, которое приводитъ къ насилію, а насиліе кончается убійствомъ. Итакъ, дѣло искушенія состоитъ въ томъ, чтобы эти грѣхи представить не грѣхами для духовнаго человѣка. Прежде всего является оправданіе похоти, т. е. стремленія чувственной природы, получающаго перевѣсъ надъ умомъ и волею. Искусительный голосъ говоритъ: „ты человѣкъ Божій, человѣкъ ду-

ховный, и для тебя похоть плоти не страшна; ты внутренно уже побѣдилъ въ себѣ грѣховную природу, и потому всякія внѣшнія проявленія для тебя уже безразличны. Духовному человѣку все позволительно; да и можетъ ли быть зло въ чисто внѣшнихъ дѣйствіяхъ тѣла, составляющихъ естественныя проявленія его матеріальной природы? "

Это есть первое искушеніе. Оно особенно сильно въ началѣ духовной жизни, когда влеченія плоти еще не смирились передъ новорожденнымъ духомъ. Этому искушенію поддаются обыкновенно послѣдователи мнимо-духовныхъ, мистическихъ сектъ, въ которыхъ преувеличенная и самодовольная духовность смѣняется полнымъ разгуломъ чувственности, и свобода духа, переходя въ свободу плоти, кончается рабствомъ плоти.

Чтобы преодолѣть это искушеніе, нужна духовная крѣпость, которой мы въ себѣ не имѣемъ, а должны получить ее отъ Источника всякой силы, и къ Нему мы обращаемся съ молитвою: *не введи насъ во искушеніе*. Привлеченная этою молитвою, помощь Божественной силы оградить нашу душу отъ помраченія и соблазна и противъ искушительныхъ софизмовъ вооружить нашъ разумъ и совѣсть слѣдующимъ разсужденіемъ:

Отвѣтъ духовнаго чловѣка на первое искушеніе: „ты говоришь, что похоть плоти не страшна для меня, потому что я побѣдиль чувственную природу, или плоть, силою духа; но если-бы я дѣйствительно уже побѣдиль плоть, то и пожеланіе плоти не дѣйствовало бы во мнѣ, не было бы самаго искушенія. Если же оно является, если я ощущаю пожеланіе плоти, то это явный знакъ, что чувственная природа еще не покорена мною, что она еще страшна и опасна для меня, и что мнѣ еще нужно съ нею бороться. Ты говоришь: удовлетвореніе чувственныхъ стремленій—только внѣшній фактъ, дѣйствіе, совершаемое однимъ тѣломъ безъ участія души, но если-бы такъ, то душа и не желала бы этого факта, допуская же въ себя похоть, она желаетъ его, и это пожеланіе выражаетъ именно участіе души къ чувственному факту, и слѣдовательно онъ уже не есть только внѣшній фактъ въ жизни тѣла, но и внутреннее дѣйствіе души, ея грѣхъ“.

Опровергнувъ такимъ образомъ искушеніе плоти, духовный чловѣкъ встрѣчается съ искушеніемъ ума. „Ты позналъ истину, въ тебѣ сткрылась истинная жизнь. Это дано не всѣмъ. Ты видишь, что другіе не

знають истины и чужды истинной жизни. Хотя истина не отъ тебя, но она *твоя*, принадлежитъ тебѣ *преимущественно* предъ другими людьми. Имъ не дано, а тебѣ дано—значить ты самъ по себѣ уже былъ лучше и выше другихъ людей, и потому получилъ то, что отъ нихъ сокрыто. Ты самъ по себѣ уже избранникъ, имѣющій право на исключительное значеніе. Если истина стала твоимъ личнымъ достояніемъ и преимуществомъ, то, значитъ, твое мнѣніе, *какъ твое*, уже есть истина и должно быть признано другими. Обладая истиною, ты не можешь впасть въ заблужденіе,—ты непогрѣшимъ“. Допустивъ такое внушеніе, умъ нашъ впадаетъ въ самомнѣніе, а самомнѣніе вводитъ въ заблужденіе и ложь. Ибо, усаждаясь мыслию о своемъ превосходствѣ, умъ нашъ начинаетъ дорожить истиною уже не какъ истиною, а каѣ *своею*. но тѣмъ самымъ онъ теряетъ и всякій критерій между истиною и заблужденіемъ, ибо *своимъ* можетъ быть и заблужденіе и всякая ложь. Но если даже мы и удержимся отъ того конечнаго безумія, чтобы всякое свое мнѣніе и воображеніе ради того, что оно свое, принимать и выдавать за безусловную истину въ силу своей мнимой непогрѣшимости, то всетаки

допущенный нами грѣхъ самомнѣнія, или умственной гордости, неизбежно размножается въ нашей душѣ и порождаетъ въ ней другіе родственные ему грѣхи—тщеславія и зависти. Ибо мнѣніе о своемъ превосходствѣ, будучи только *притязаніемъ*, требуетъ не-премѣнно чужого *признанія*. Такъ какъ самомнѣніе имѣетъ въ виду не наше *бытіе* въ истинѣ, а только наше *значеніе*, то оно не удовлетворено, если мы не значимъ для другихъ столько же, сколько и для себя. Стремленіе же значить для другихъ, или имѣть преимущество въ чужомъ мнѣніи, есть тщеславіе. Неудовлетвореніе же этого стремленія, когда чужое мнѣніе отказываетъ намъ въ *исключительномъ* признаніи и ставитъ другихъ наравнѣ или выше насъ, не-премѣнно возбуждаетъ въ тщеславномъ непріязненное чувство соперничества, ревности и зависти.

Это искушеніе ума самомнѣніемъ особенно сильно въ *средины* духовнаго поприща, когда умъ уже получилъ перевѣсъ надъ чувствами. Соблазну самомнѣнія поддаются обыкновенно люди, уже достигшіе нѣкотораго значенія и заслугъ. Таковыя попущеніемъ Божіимъ становятся тогда основателями сектъ или ересіархами и предводителями народныхъ движеній, но нерѣдко так-

же впадаютъ въ умопомѣшательство и гибнутъ жалкимъ образомъ. Но если духовный человѣкъ въ началѣ этого искушенія не положится на силы своего ума, и обратится къ Богу съ молитвою: не введи насъ во искушеніе, то онъ получитъ *крѣпость ума* и сумѣетъ отстранить софизмъ самомнѣнія.

Отвѣтъ духовнаго чловѣка на второе искушеніе: „истина есть сама въ себѣ вѣчно, безгранично и совершенно. Ничѣмъ частнымъ достояніемъ, принадлежностью или преимуществомъ она быть не можетъ. Нашъ умъ можетъ познавать истину, только становясь причастнымъ истинѣ, т. е. причастнымъ безконечному совершенству; а для этого онъ долженъ отречься и отрѣшиться отъ своей личной ограниченности, отъ *исканія своего* и помышленія о своемъ. Въ истинѣ нѣтъ своего и чужого, въ ней всѣ могутъ имѣть только одну часть, въ ней всѣ солидарны; поэтому, когда я во имя своего мнимаго обладанія истиной противопоставляю себя другимъ и горжусь передъ ними своимъ преимуществомъ въ истинѣ, то я этимъ только доказываю, что я еще не въ истинѣ, и что мнѣ нечѣмъ гордиться. Истина безусловна, независима и довлѣетъ себѣ; поэтому, если я тщеславно ищу чужого при-

званія и забочусь о людскихъ мнѣніяхъ, то я показываю, что я самъ чуждъ истинѣ и что мнѣ нечѣмъ славиться въ людяхъ. Наконецъ, сущая истина, какъ полнота блага, не допускаетъ зависти, и если я изъ-за обладанія истиной соперничаю и завидую другимъ, то я показываю, что у меня нѣтъ истины, и что мнѣ не за что ревновать и соперничать“.

Мы находимъ истину не своимъ умомъ, а *несмотря* на свой умъ, въ умѣ Божіемъ. Но такое познаніе истины, основанное на смиреніи и самоотреченіи нашего ума, не можетъ уже быть источникомъ гордости, тщеславія и зависти; и хотя бы эти пороки и не могли быть сразу уничтожены, но, отрекшись внутренно отъ ложнаго самомнѣнія въ пользу сущей истины,—мы подрываемъ *корень* этихъ умственныхъ грѣховъ и, предохраняя себя отъ заблужденій ума, укрѣпляемся и возрастаемъ въ духовной жизни.

Но тутъ предстоитъ намъ третье, и самое опасное, искушеніе. Когда похоть плоти побѣждена чистотою и обманъ ума смиреніемъ, когда я не считаю грѣхъ для себя дозволеннымъ и не поддаюсь ему, когда я не ставлю своего мнѣнія вмѣсто истины и

не впадаю въ заблужденіе,—тогда является великій соблазнъ для духовной *воли*.

„Ты освободился отъ рабства плоти и самоотреченіемъ ума усвоилъ истину Божію и позналъ, что она есть единое вѣрное благо. Но міръ отвергаетъ эту истину и лишаетъ себя этого блага и лежитъ во злѣ. Для славы Божіей и для блага самого міра, изъ любви къ Богу и къ ближнему ты долженъ хотѣть и приложить всякія старанія, чтобы покорить міръ высшей правдѣ и привести людей къ царству Божію. Но для этого въ твоихъ рукахъ должны быть необходимыя средства, чтобы съ успѣхомъ дѣйствовать на міръ и въ мірѣ: прежде всего ты долженъ получить власть и высшій авторитетъ надъ другими людьми, подчинить ихъ себѣ, чтобы вести ихъ къ единой спасительной истинѣ. Итакъ, ты долженъ всячески искать власти и могущества въ мірѣ“.

Этому великому и сильному искушенію поддавали великіе и сильные люди, которыхъ оно приводило ко многимъ худымъ дѣламъ.

Но если духовный человекъ, благополучно прошедшій черезъ два первыя искушенія, захочетъ устоять и въ этомъ, то, снова

оградивъ себя молитвою: не введи насъ во искушеніе,—онъ скажетъ такъ:

Отвѣтъ духовнаго чловѣка на третье искушеніе: „правда, что я долженъ заботиться о спасеніи міра чрезъ практическое подчиненіе его Божественному началу: но неправда, что для этого я долженъ искать власти въ мірѣ. Если я дѣйствительно желаю власти не для себя, и не во имя свое, и не самовольно, а во имя Божіе, для дѣла Божія и согласно волѣ Божіей, то я не долженъ и не могу *искать* самъ этой власти, не долженъ и не могу ничего дѣлать отъ себя для ея достиженія. Я вѣрю въ Бога и желаю совершенія дѣла Его, и надѣюсь на пришествіе царства Его, и, насколько мнѣ дано, служу Ему, но большаго не ищу; ибо я не могу знать тайнъ домостроительства Божія и путей Его Провидѣнія и плановъ Его премудрости; да и себя самого я еще не вполне знаю. Я не могу знать, хорошо ли для меня и для другихъ будетъ, если я теперь получу власть и могущество. Хотя я и сталъ причастенъ истинѣ Божіей, и духовная жизнь открылась во мнѣ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы я годился для управленія людьми. Быть можетъ, получа власть, я не только окажусь несо-

стоятельнымъ для устроенія другихъ въ духѣ Божіемъ, но и собственное свое духовное достоинство утрачу, а если я ищу власти, то я уже утратилъ его, ибо впалъ въ грѣхъ властолюбія. Если я не жду принять своего назначенія отъ Бога, а ищу власти отъ себя, то я долженъ прибѣгать въ этомъ дѣлѣ къ человѣческимъ способамъ и средствамъ. Но человѣческіе способы и средства для добыванія власти хорошо извѣстны, они суть: коварство и обманъ въ началѣ, насиліе и убійство въ концѣ. Такими дѣлами другихъ къ царству Божію не приближишь, а самъ отъ него удалишься. И такъ, долженъ я служить славѣ Божіей и спасенію міра въ томъ, что мнѣ дано въ удѣлѣ своемъ, съ *терпѣніемъ* ожидая совершенія судебъ Божіихъ надъ собою и надъ міромъ, стараясь кротостью и благостью смягчать чужое зло, не умножая его своимъ“.

Общій отвѣтъ на искушенія. Повѣривъ сердечно въ Бога и почувствовавъ въ себѣ дѣйствіе Божественной благодати, мы имѣемъ *начало* новой духовной жизни. Обманъ искушенія состоитъ въ томъ, что это начало принимается за достигнутый конецъ, и зарожденіе духовной жизни выдается за ея совершенство; обманъ въ томъ, что ду-

ховная жизнь понимается, какъ нѣчто за разъ и вполнѣ данное, не нуждающееся въ ростѣ, въ постепенномъ ходѣ совершенствованія внутри и исполненія вовнѣ; полагается, что духовный человѣкъ есть существо простое, цѣльное и законченное. Но на самомъ дѣлѣ въ духовномъ человѣкѣ продолжаютъ пребывать и дѣйствовать двѣ живыя силы: *начатокъ* новой благодатной жизни и *остатокъ* прежней грѣховной жизни, и цѣль искушенія въ томъ, чтобы неокрѣпшій еще начатокъ или залогъ духа употребить, какъ благовидный покровъ или личину для старыхъ грѣховныхъ стремленій, и тѣмъ оправдать и внутренне усилить ихъ и уже безраздѣльно предать имъ всего человека. Но въ началѣ искушенія, если мы будемъ искать опоры не въ своихъ, а въ Божіихъ силахъ чрезъ молитву, мы легко раскроемъ весь обманъ и скажемъ такъ:

Положимъ, что мы люди Божіи и живемъ въ Богѣ, но мы не можемъ думать, чтобы подчиненіе плотскому пожеланію, чтобы тщеславіе или властолюбіе, которыя мы замѣчаемъ въ себѣ, были отъ Бога, и были добромъ. Итакъ, хотя мы въ Богѣ, но въ насъ есть еще нѣчто такое, что не отъ Бога и что не есть добро; поэтому, когда та-

кія недобрыя стремленія нападають на насъ, то мы и должны признать это за *напастъ* и, не уступая имъ, молиться: не введи насъ въ напастъ,—а никакъ не оправдывать плотскихъ пороковъ своимъ качествомъ духовнаго человѣка. Безъ сомнѣнія для чистаго все чисто, но вопросъ въ томъ: вполнѣ ли мы чисты?—и на этотъ вопросъ совѣсть искушаемаго даетъ ясный отвѣтъ. Итакъ, во всякой попыткѣ связать слабости и пороки, свойственные *человѣку вообще*, съ нашимъ качествомъ человѣка *Божія*, или *духовнаго* человѣка,—во всякой такой попыткѣ и во всякомъ такомъ внушеніи должны мы видѣть лукавый обманъ и молиться: *избави насъ отъ лукаваго*.

Лукавый духъ самолюбія*), отецъ всякой лжи, обманывая нашъ умъ своими софизмами, достигаетъ двойной цѣли: онъ не только разслабляетъ нашу волю въ борьбѣ съ настоящимъ искушеніемъ, но и напередъ

---

*) Соловьевъ разумѣетъ подъ *лукавымъ* самолюбивое *настроеніе* человѣка, но правильнѣе, въ согласіи съ святыми Іоанномъ Злат., Григоріемъ Нисскимъ, бл. Августиномъ и другими Отцами Церкви, видѣть здѣсь указаніе на „виновника всѣхъ золъ“--діавола, пробуждающаго въ насъ между прочимъ и духъ самолюбія. *Ред.*

отдаетъ нашу душу во власть всѣмъ страстямъ, порокамъ и преступленіямъ. Человѣкъ, одержимый необузданнымъ самолюбіемъ, не только падаетъ, случайно совершая тотъ или другой грѣхъ, но уже потерялъ устойчивость нравственнаго равновѣсія, и вся его жизнь превращается въ сплошной грѣхъ. Человѣкъ, одержимый самолюбіемъ, неизбежно будетъ несправедливъ въ отношеніи къ другимъ, а въ собственныхъ своихъ потребностяхъ безграниченъ. Наша душа имѣетъ въ себѣ силу безконечности, и, разъ овладѣвъ этою силой, нашъ эгоизмъ не находитъ предѣловъ и не знаетъ насыщенія. *Безмѣрные* требованія не могутъ быть удовлетворены; неудовлетворенность порождаетъ озлобленіе; бессильная злоба производитъ уныніе, а уныніе приводитъ къ отчаянію. Итакъ, когда самолюбіе беретъ верхъ въ нашей душѣ, то логическій исходъ будетъ умопомѣшательство или самоубійство. И если такой конецъ постигаетъ далеко не всѣхъ, одержимыхъ тѣмъ нравственнымъ недугомъ, то это должно приписать особой милости Божіей и чужимъ молитвамъ.

Избавленіе насъ отъ лукаваго есть дѣло истинной *мудрости*, которая разоблачаетъ

и разрушаетъ всѣ обманы и софизмы самолюбія и вооружаетъ насъ не нашими, а Божьими силами. Такимъ образомъ нашъ духъ получаетъ неодолимую крѣпость въ искушеніяхъ. Духовная крѣпость въ искушеніяхъ сообщаетъ намъ справедливость въ дѣйствіяхъ, умѣренность въ чувствахъ. А при такомъ нравственномъ равновѣсіи все болѣе и болѣе укореняются въ душѣ чистая любовь, постоянная надежда и твердая вѣра въ Бога и вѣчную жизнь.

Два есть главныя свойства у истинной молитвы: безкорыстность и дѣйственность. Та молитва, которой Христосъ научилъ Своихъ учениковъ, обладаетъ этими свойствами въ полной мѣрѣ. Эта молитва вполне безкорыстна; ибо въ ней мы не молимся ни о какомъ благѣ для себя исключительно, ни о какомъ благѣ, которое отдѣляло бы насъ отъ другихъ. Настоящая цѣль этой молитвы въ томъ, чтобы Богъ былъ все во всемъ. Эта цѣль прямо выражается въ первыхъ трехъ прошеніяхъ: да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли. Предметы остальныхъ прошеній выражаютъ только средства или условія для осуществленія той высшей цѣли *по-*

скольку она касается и насъ. Ибо Богъ не можетъ быть всѣмъ во всемъ, если Онъ не будетъ и въ нашей личной жизни. И вотъ мы прежде всего отдаемъ Богу свою матеріальную жизнь. Молясь о хлѣбѣ насущномъ, мы уже не считаемъ себя хозяевами своей матеріальной жизни, но подчиняемъ ее жизни Божественной. Молясь объ оставленіи долговъ и оставляя ради Бога должникамъ нашимъ, мы не ищемъ своей правды, но признаемъ правду Божию, которая одна есть истинная. Наконецъ, молясь, о невведеніи въ искушеніе и избавленіи отъ лукаваго, мы не полагаемъ своими путями избѣгнуть явныхъ и тайныхъ дѣйствій злого начала, но избираемъ единый вѣрный путь Божьяго руководства.

Будучи вполнѣ безкорыстною, молитва Господня вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ самымъ вполнѣ дѣйствена. Каждое изъ ея прошеній, съ вѣрой произносимое, содержитъ въ себѣ и начало своего исполненія. Когда мы съ вѣрою говоримъ: да святится имя Твое, имя Божіе уже святится въ насъ; призывая царствіе Божіе, мы тѣмъ самымъ признаемъ себя принадлежащими къ этому царству, т. е. оно уже приходитъ къ намъ; говоря: да будетъ воля Твоя, т. е. отдавая

свою волю Богу, мы тѣмъ самымъ исполняемъ Его волю въ себѣ. Затѣмъ, насколько мы сводимъ свои матеріальныя потребности къ наименьшему (въ молитвѣ о хлѣбѣ насущномъ днесь), настолько мы дѣлаемъ болѣе возможнымъ ихъ удовлетвореніе. Далѣе, отпуская должникамъ нашимъ, мы тѣмъ самымъ оправдываемъ себя передъ Богомъ, и, наконецъ, молясь о Божьей помощи въ борьбѣ съ искушеніями и навожденіями лукавыхъ силъ, мы тѣмъ самымъ получаемъ наиболѣе дѣйствительную помощь, ибо родъ сей не изгоняется ничѣмъ, какъ только постомъ и *молитвою*.

Филаретъ М. Московскій.

Бесѣда о молитвѣ Господней*).

Что Мя зовете: Господи, Господи, и не творите, яже глаголю? (Лк. VI, 46).

Страшный гнѣвъ Господа открывается намъ, слушатели, въ семь изреченіи Евангелія! Онъ укоряетъ не только тѣхъ, которые хулятъ или забываютъ святое имя Его, но и тѣхъ, которые съ благоговѣніемъ обносятъ оное въ устахъ своихъ. *Что Мя зовете: Господи, Господи?*

Итакъ, неужели Бога оскорблять можно и молитвой? — Можно, если устная молитва не сопутствуется сердечною, а сердечная не сопровождается творительною молитвою.

Что Мя зовете: Господи, Господи, и не творите, яже глаголю?

Пророкъ, изображая отверженіе Іуды предателя, во вдохновенномъ свыше него-

---

*) Сочиненія, 1873 г., т. I, стр. 21—30.

дованіи вопіеть: *молитва его да будетъ въ ирѣхъ* (Псал. CVIII, 7)! Но молитва Іуды, если онъ молился, повидимому, долженствовала быть самая святая: поелику онъ, подобно какъ и мы, у Самого Сына Божія учился призывать *Отца, иже есть на небсѣхъ*. Итакъ, не должно ли страшиться и другимъ, чтобы святѣйшую и Божественную молитву Господню не употребить столь недостойнымъ и осудительнымъ образомъ?

Размыслимъ *о способѣ правильно и спасительно употреблять молитву Господню*.

Отче нашъ, иже еси на небсѣхъ!—взываемъ мы, послѣдую *Единородному*.

Я говорю: послѣдую *Единородному*. Ибо кто бы дерзнулъ произнести сіе призываніе, когда бы *Единородный* не содѣлался *Первороднымъ во многихъ братіяхъ* (Рим. VIII, 29), облекшися въ плоть нашу, и если-бы мы взаимно не облеклися въ Него крещеніемъ? Дщери Евы производятъ на свѣтъ только рабовъ и сыновъ гнѣва; одна Церковь рождаетъ чадъ свободы и благодати. Рожденіе въ рабство совершается безъ нашей воли: рожденіе въ свободу долженствуетъ быть свободное. Гдѣ слабый останокъ первоначальной свободы воздвигается отъ земли, расторгаетъ узы плоти, стремится ко благу

духовному, тамъ начинается рожденіе небесное, сыноположеніе Духа, приѣмлемое вѣрою.

Часто мы произносимъ имя *Отца небеснаго*; но размышляли-ль мы когда о нашемъ правѣ такъ именовать Его? Занимаясь земными мыслями, земными желаніями, земными дѣйствіями, охотно покорствуя суетѣ вмѣстѣ съ тварію, которая покорена ей неволею, безопасно продолжая быть такъ же *плотию*; какъ и *родились отъ плоти* (Іоан. III, 6), какую часть имѣемъ мы въ *Отцѣ небесномъ*, и какъ можемъ поставлять себя въ санъ Его сыновъ, вмѣстѣ съ Единороднымъ, *уже есть сіяніе славы и образъ гипостаси Его* (Евр. I, 3)? Именуя *Отца небеснаго* не для того, чтобы благодарственно исповѣдать наше благодатное усыновленіе, но только для того, чтобъ ульстить (еслибы то возможно было) Его милосердіе, ужели мы думаемъ нашими воплями обезоружить *правду Бога, испытующаго сердца и утробы?* — Нѣтъ, отвѣщаваетъ Онъ на дерзновенныя званія чадъ міра и плоти, — Я не Отецъ вашъ, доколѣ вы не тщитесь внутренно содѣлаться Моими чадами: вы *отца есте* того, коего *вождемънїя хотите творити* (Іоан. VIII, 44); мнѣ подобаеть быть для васъ токмо Господемъ рабовъ и Судіею повинныхъ.

Дадимъ, христіане, Богу нашему быть для насъ тѣмъ, чѣмъ Его именуемъ. Отторгнемъ себя отъ земли, взыщемъ отечества небеснаго: тогда неосужденно наимуемъ Отцомъ нашимъ живущаго на небесѣхъ, и Онъ безъ гнѣва услышитъ наши прошенія.

Да святится имя Твое—вотъ первое прошеніе.

Божіе имя есть вещь священнѣйшая въ мірѣ. Имъ совершаются наши спасительныя таинства; имъ печатлѣтся вѣрность нашихъ клятвъ и обѣщаній; его полагаемъ мы въ основаніе начинаній нашихъ. Было время, когда оно, исходя изъ устъ рабовъ Божіихъ, владычественно потрясало природу и низлагало ихъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Сія непостижимая сила есть собственно Божія, но ея дѣйствіе въ насъ зависитъ отъ нашей вѣры и благочестія. Посему заповѣдано намъ хранить имя Божіе съ благоговѣніемъ и употреблять съ бережливостію: *да не примѣши имене Господа Бога твоего всуе* (Втор. V, 11). Посему, признавая себя недостойными хранителями сего небеснаго сокровища, мы молимъ Отца небеснаго, да вѣчно святое въ самомъ себѣ имя Его святится и въ насъ; да съ благодатною силою произносимъ его устами; да съ вѣрно-

стію изрекаемъ его дѣлами; да *свѣтъ нашъ просвѣтитъ предъ челоуки*, и они въ насъ и съ нами *прославятъ Отца нашего, иже на небесяхъ* (Матѳ. V, 16).

Но что, если языкъ молящагося, долженствующій освятить имя Божіе или, паче, освятиться имъ, еще не очищенъ отъ празднословія, злорѣчія, лжи, клеветы? Что, если желанія нашихъ сердець противоборствуютъ хотѣніямъ нашихъ устенъ? Если гласы молебныхъ пѣній и славословій нашихъ возмущаетъ нами же *возносимый къ небу вопль нищихъ* (Іов. XXXIV, 28), которымъ не благовѣствовали мы Бога, Отца сирыхъ; заглушаетъ *гласъ крове братій нашихъ* (Быт. IV, 10), въ которыхъ мы не прославили Бога, Судію обидящихъ? Какая въ томъ польза, что мы на языкѣ носимъ славу Божію, если языцы, взирая на нашу жизнь, въ удивленіи вопрошаютъ другъ друга: *идъ есть Богъ ихъ* (Псал. LXXVIII, 10)?

Сколько можешь, *удержи языкъ твой отъ зла, сотвори благо* (Псал. XXXIII, 14—15) всѣмъ сердцемъ твоимъ; тогда не вотще молиться будешь: *да святится имя Божіе*.

Да пріидетъ царствіе Твое—вотъ второе прошеніе сыновъ царствія.

Царство Божіе — *царство всѣхъ вѣковъ* (Псал. CXLIV, 13); и еще прежде, нежели

родились вѣки, Богъ былъ царемъ Своей сокровенной вѣчности. Нынѣ во времени Онъ открываетъ владычество Творца и Промыслителя въ царствѣ природы, и въ царствѣ благодати—любовь Отца Спасителя,—впрочемъ такъ, что мы *видимъ* Его здѣсь токмо *якоже зеркаломъ въ гаданіи* (I Кор. XIII, 12). Наконецъ, оба сіи царства, постепенно достигая предопредѣленнаго совершенія, преобразятся въ единое царствіе славы, въ которомъ Онъ явится сынамъ царствія *лицемъ къ лицу*, и будетъ возводить ихъ отъ славы въ славу. Грядущее такимъ образомъ отъ Бога къ человѣкамъ царствіе—многихъ въ торжественномъ пришествіи своемъ обидетъ и оставитъ ошуюю: только избранные и носящіе въ себѣ внутреннее сѣмя царствія призваны будутъ *наслѣдовать уготованное имъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѣ. XXV, 34). Итакъ, моленіе наше о царствіи Божіемъ есть благоговѣйное желаніе, чтобы Богъ совершилъ *чаяніе твари, откровенія сыновъ Божіихъ чашцей* (Рим. VIII, 19), и насъ сподобилъ достойно срѣтить сіе вожделѣнное для всего міра событіе.

Искренно ли въ насъ такое желаніе? Мы желаемъ царствія Божія и знаемъ, что сіе царство *нѣсть отъ міра сего* (Іоан. XVIII, 36);

но не многіе ли изъ насъ въ легкомысленныхъ мечтаніяхъ созидаютъ здѣсь каждый собственное царство? Сынъ силы думаетъ мечемъ начертать другимъ законъ страха и униженія; мнящійся быть мудрымъ хочетъ владычествовать перомъ въ царствѣ мнѣній; легкомысленный мечтаетъ быть законодателемъ въ удовольствіяхъ и забавахъ; корыстолюбивый устрояетъ темное царство и собираетъ бездушныхъ подданныхъ въ своихъ сокровищницахъ. Мы желаемъ царствія Божія и вѣримъ, что въ него вводятъ *узкая врата и тѣсный путь* (Матѳ. VII, 14): однако не часто ли, упреждая другъ друга, поспѣшаемъ занять широкій путь и вступить во врата пространныя? Мы любимъ поставлять себя одесную другихъ, не представляя того, что по самому естественному послѣдствію, идя такимъ образомъ на встрѣчу Господу, мы обрящемся ошуюю Его. Мы желаемъ царствія Божія и слышали, что *нудится* (Матѳ. XI, 12) оно: итакъ, дѣлаемъ ли себѣ какое насильствіе для пріобрѣтенія его, и не для того ли только молимся о немъ, чтобы трудъ сего великаго дѣла сложить на единого Бога?

Возревнуемъ о служеніи Богу, подобно какъ мы ревнуемъ о господствованіи въ мі-

рѣ; изыдемъ во срѣтеніе царствію Божію путемъ креста и смиренія: тогда молитва о его пришествіи не будетъ лицемѣремъ.

Третіе прошеніе: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли.*

Богъ нашъ на небеси и на земли творитъ вся, елика хочетъ: *воли бо Его кто противится можетъ* (Римл. IX, 19)? Итакъ, безъ сомнѣнія, не умноженія могущества желаемъ мы Всемогущему въ нашей молитвѣ. Тварь, одаренная волею, но которая видитъ все свое блаженство въ единой волѣ Творца своего, молить, да Его воля благая и совершенная покоритъ себѣ ея волю несовершенную и слабую, и будетъ въ ней *и еже хотѣти и еже дѣяти* (Фил. II, 13). Но что есть воля Божія *на земли, яко на небеси*?—Ангелы суть небо, человѣки суть земля: когда земнородные будутъ служить Богу съ любовью столь пламенною, съ ревностію столь неудержимою, какъ Ангелы, тогда исполнится воля Его, яко на небеси, и на земли.—Церковь вѣрующихъ есть небо на земли; омраченный и заблуждающій міръ есть токмо земля; когда и погибшія овцы познаютъ спасительный гласъ Пастыря, и сѣдящіи во тьмѣ и сѣни смертнѣй видятъ свѣтъ велій: тогда исполняется воля

Отца свѣтовъ, яко на небеси, и на земли. — Духъ есть, нѣкоторымъ образомъ, небо въ человѣкѣ; плоть — земля: когда *внутренній человекъ, соулаждающійся закону Божію*, подчинитъ себѣ законъ *сущій во удѣхъ* (Рим. VII, 22 и 23), а плоть останется тѣмъ, чѣмъ ей должно быть, — покорною рабынею, тогда исполнится воля Бога духовъ, яко на небеси, и на земли.

Много мы говоримъ о волѣ Божіей, но едва ли не болѣе помышляемъ о исполненіи своей воли. Мы желаемъ видѣть землю, по исполненію воли Божіей, подобною небу, или самымъ небомъ; но начинаемъ ли мы се великое превращеніе съ самихъ себя? Любовь ангельская! ты выше насъ: я не осмѣлюсь искать тебя. Любовь христіанская! гдѣ ты обитаешь? Гдѣ ты дѣйствуешь, ревность благочестивая? Гдѣ почиваешь ты, кроткая преданность волѣ Божіей? Вмѣсто возвышенія отъ земли къ небу, отъ жизни христіанской къ ангельской, не болѣе ли примѣтно въ насъ нисхожденіе отъ неба къ землѣ, униженіе духа предъ плотію, ниспаденіе отъ благословеннаго царства благодати въ мятежное владычество растлѣнной природы?

Возненавидимъ прежде злую волю соб-

ственную, и потомъ уже молиться будемъ о благой въ насъ волѣ Божіей.

Три прошенія молитвы Господней, о которыхъ я сказалъ, слушатели, тѣмъ съ большею осмотрительностію и благоговѣніемъ должны быть приносимы нами Господу, что простираются отъ времени до вѣчности. Слѣдующія за оными четыре прошенія относятся болѣе до времени; но мы должны памятовать, что благоразумное или неблагоразумное попеченіе о временномъ пріобрѣтаетъ намъ благоволеніе или воздвигаетъ на насъ гнѣвъ Вѣчнаго.

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.

Симъ желаніемъ должны ограничиваться наши попеченія о благахъ міра. Жизнь есть благо потому, что ею можно заслужить блаженную вѣчность: потому только благо для насъ и то, что служитъ къ сохраненію жизни. Кто знаетъ, сколько долженъ онъ сдѣлать для вѣчности, тотъ не много имѣетъ времени заботиться о жизни настоящей. Къ счастію благій Промыслитель слагаетъ съ насъ сей послѣдній трудъ, какъ скоро мы приедемъ на себя первый: *ищите прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. VI, 33). И посему вѣрныя чада Божіи просятъ не у рабовъ, но у Отца,—

просяты не суетныхъ украшеній и ничтожныхъ драгоценностей, но *хлѣба*; хлѣба не вкуснаго, но *насушнаго*; не въ житницы на лѣта многа, но только *днесь* на трапезу. *Довлѣетъ*, говорятъ они, настоящему *дневи злоба ея* (Матѳ. VI, 34): почто заранѣе стужать попечительному Отцу о такихъ нуждахъ, которыхъ, можетъ быть, завтра не будетъ болѣе? Но и при столь ограниченномъ требованіи, не столько помышляютъ они о хлѣбѣ, насыщающемъ тѣло, какъ о томъ *насушномъ* хлѣбѣ, который питаетъ и укрѣпляетъ *существенную* часть человѣка; ибо не о *хлѣбъ единомъ живъ будетъ* человекъ, но о *всякомъ глаголь, исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Матѳ. IV, 4).

Всѣ ли мы умѣемъ хотя чувствовать спасительный гладъ слова Божія, если не обрѣтать для онаго сродную пищу? Не часто ли подавляется сей духовный гладъ алчностью плоти, которая требуетъ не насыщенія, но пресыщенія; не одежды, но убранства; не здравія для отправленія дѣлъ, но нѣги и бездѣйствія? Удовлетворивъ себѣ въ обыкновенныхъ временныхъ потребностяхъ, мы вымышляемъ для себя случаи непредвидимые и нужды въ будущихъ лѣтахъ, которыя никогда къ намъ не придуть. Наконецъ, не

довольствуясь оскорблять Бога столь излишними желаніями, мы еще оставляемъ Его и обращаемся съ оными къ сильнымъ земли, къ хитростямъ, къ неправдамъ, и такимъ образомъ присовокупляемъ къ дерзости невѣріе.

Будемъ умѣреннѣе въ нашихъ желаніяхъ и благоразумнѣе въ выборѣ потребнаго для насъ: одна благоразумная умѣренность умѣетъ просить хлѣба у *Хлѣба животнаго* (Іоан. VI, 35).

И остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.

Сколь многочисленны долги наши Богу! Есть долгъ наслѣдственный. Нашъ первый праотецъ купилъ запрещенный плодъ цѣною жизни своея и своего потомства: мы родимся должниками. Есть долги собственные. Богъ невидимо намъ раздаетъ многоцѣнные *таланты*, внутренніе и внѣшніе, *комуждо противу силы его* (Матѳ. XXV, 15): употребленіе ихъ во благо и во славу Его есть лихва, имъ требуемая: каждое незаконное дѣйствіе, каждое порочное желаніе, каждый лукавый помыселъ изчитаются Всевѣдѣніемъ и составляютъ ужасное множество долговъ нашихъ. Они неоплатимы. Но какой легкій договоръ намъ о нихъ пред-

лагается! *Аще отпустите человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* (Матѣ. VI, 14). Для сего-то священнаго договора мы приводимъ предъ Него съ собою нашихъ должниковъ, указуемъ Его милосердію на наше милосердіе: и если-бы такимъ образомъ всѣ до единого старались изгладить предъ очами Божіими зло, содѣланное человѣками, то рукописанія грѣховъ нашихъ постепенно бы оскудѣвали, доколѣ, наконецъ, взаимныя прощенія всѣхъ и cadaго составили бы единое всеобщее оправданіе, къ неизреченной славѣ Помилователя, къ несказанному блаженству помилованныхъ.

— Не такъ же ли удобно, скажутъ, Милосердію безконечному и безъ условія простить погрѣшности и заблужденія слабыхъ смертныхъ, сколько бы ни были онѣ многочисленны?—Но не удобнѣе ли тебѣ простить несравненно меньшія оскорбленія твоего ближняго? То истинно, что милосердіе Божіе безконечно: потому-то и хочетъ оно, чтобы не ты одинъ, но и всѣ получили прощеніе; и, подавая его тебѣ, какъ бы просить его у тебя твоимъ братіямъ. О человѣкъ, который живешь и дышишь единою милостію Господа! если ты отвергаешь Его у тебя ходатайство за ближнихъ твоихъ,

какъ можетъ Онъ пріять за тебя ходатайство Сына Своего? Тогда въ прошеніи *оставленія долговъ нашихъ, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ, уже заключается и осудительный на насъ приговоръ: судъ безъ милости не сотворшему милости* (Іак. II, 13).

Не забудемъ, христіане, миловать прежде, нежели будемъ просить помилованія. *Блаженни милостивіи, яко тѣмъ помиловани будутъ* (Матѳ. V, 7).

И не введи насъ во искушеніе.

Безполезно было-бъ и прощеніе грѣховъ, если-бы мы всегда возвращались къ нимъ съ прежнею слабостію. Но какъ трудно не пасть когда либо среди непрестанной брани противу плоти, міра и духа злобы! Левъ рыкаетъ, лисы коварствуютъ. Если мы противопоставляемъ лукавству прозорливость, то крѣпость измѣняетъ намъ; если ярости—силу, то коварство насъ обманываетъ. Нѣтъ для насъ иной надежды, развѣ когда единый Побѣдитель всѣхъ враговъ нашихъ не попуститъ на насъ болѣе нападеній, нежели мы можемъ выдержать, или даруетъ намъ столько искусства и силъ, сколько нужно для совершенной побѣды.

И мы молимся, слушатели, о сохраненіи насъ отъ искушеній: но не приближаемся

ли къ нимъ сами, прежде нежели они постигаютъ насъ? Молимся, да не поработитъ насъ плоть; но не сами ли слишкомъ заботливо питаемъ и грѣемъ врага сего и служимъ ему, какъ другу и владыкѣ? Молимся, да не очаруетъ насъ мѣръ; но не мы ли отвергаемъ ухо къ его тлетворнымъ обаяніямъ? Молимся, да не соблазнитъ насъ око; но не мы ли его пригвождаемъ къ земнымъ прелестямъ? Противъ кого въ такомъ случаѣ обращается наша молитва, если не противъ насъ самихъ? *Кійждо искушается отъ своя похоти влекомъ и прельщаемъ* (Іак. I, 14).

Отъ насъ зависитъ не итти на встрѣчу искушеніямъ; молитвою отвращать должно тѣ, которыя противъ воли нашей съ нами срѣтаются.

Но избави насъ отъ лукаваго.

Есть, наконецъ, нѣкоторый родъ зла въ поврежденной природѣ, которое находится не столько во внутреннемъ существѣ вещей, сколько во мнѣніи, въ дѣйствии токмо наружномъ и преходящемъ ощущеніи. Оно не всегда есть бичъ карающаго Правосудія, но часто—поражающій жезлъ любви, горькое врачевство, и, такъ сказать, благо несозрѣвшее. Убожество, болѣзнь, печаль, униженіе, гоненіе, суть зло развѣ тогда,

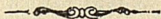

когда мы виновны въ нихъ; но немощная природа содрогается при одномъ видѣ страданія. И сколь велико снисхожденіе Отца небеснаго, Который позволяетъ намъ просить Его, да успокоить насъ и отъ сихъ призраковъ зла, да ускорить разсѣять и сія легкія тѣни, пробѣгающія по юдоли жизни!

Но тѣмъ дерзновеннѣе и неблагодарнѣе мы, когда употребляемъ во зло толикое снисхожденіе. Сколь многіе вопіють къ Богу на несчастія, которыя суть дѣло ихъ собственныхъ рукъ! Тотъ, который неумѣренностію сокрушилъ крѣпость свою, приходитъ жаловаться на свои немощи; тотъ призываетъ судъ Божій на оскорбляющихъ его, кто самъ осуждается передъ ними своею совѣстію; тотъ окаяваетъ свою нищету, кто привлекъ ее расточительностію. Просить ли таковымъ избавленія отъ лукаваго, или лучше благодарить Промыслъ за предстоящее обличеніе и внушаемое исправленіе лукаваго сердца?

Будемъ, слушатели, съ радостію сносить наказаніе, когда мы виновны; когда невинны, безъ нетерпѣливости молиться о избавленіи отъ бѣдствія. *Вѣсть Отець нашъ небесный, ихже требуемъ* (Матѳ. VI, 32).

Воистину, Отче Всевѣдущій! Ты не дашь чадамъ Твоимъ *камня вмѣсто хлѣба* и *зміи вмѣсто рыбы* (Матѹ. VII, 9 и 10). Но мы и *о чesомъ помолимся, якоже подобаетъ, не вѣ- мы* (Рим. VIII, 26). Скоро находимъ мы недостатки нашей молитвы, но безъ Тебя не достигнемъ въ ней совершенства. *Исправи ее Самъ, яко кадило предъ Тобою*, да не едины уста, но и мысль, и сердце, и желанія, и дѣянія, и духъ, и плоть, и *вся кости наша рекутъ: Господи, Господи* (Псал. XXXIV, 10)! *Яко Твое есть царство и сила и слава во вѣки. Аминь.*

The first part of the document is a list of names and titles, including the names of the authors and the titles of their works. The list is arranged in a columnar format, with the names on the left and the titles on the right. The names are written in a cursive hand, and the titles are in a more formal, printed style. The list includes several names that are well-known in the history of literature, such as Shakespeare, Milton, and Dryden. The titles of the works are also clearly legible, and include titles such as "The Tempest" and "Paradise Lost".

The second part of the document is a list of names and titles, similar to the first part. This list also includes the names of authors and the titles of their works, arranged in a columnar format. The handwriting is consistent with the first part, and the titles are also clearly legible. This section continues the list of works, including titles such as "The Pilgrim's Progress" and "The Works of John Bunyan". The list is well-organized and easy to read, providing a comprehensive overview of the works included in the collection.

Выпускъ XIV-й: „Смыслъ міровой исторіи“. Влад Соловьевъ. Цѣна 15 к., съ пер. 20 к.

Выпускъ XV-й: „Самопознаніе“. Джонъ Месонъ, проф. В. Н. Карповъ. Цѣна 20 к., съ пер. 25 к.

Выпускъ XVI-й: „Первоначальная Христіанская Церковь въ Іерусалимѣ“. Феодора Самарина. Цѣна 25 к.

Выпускъ XVII-й: „О церкви“. Ог. Николая. Цѣна 30 к.

Выпускъ XVIII-й: „О благодати и таинствахъ“. Огюста Николая. Цѣна 20 коп.

Выпускъ XIX-й: „Церковь“. Влад. Соловьева. „Нравственная идея догмата церкви“. Архіепископа Антонія. Цѣна 25 коп.

Выпускъ XX-й: „О смыслѣ жизни“. Часть первая. Цѣна 30 коп.

Выпускъ XXI-й: „О смыслѣ жизни“. Часть вторая: „Христіанское міровоззрѣніе“. Сборникъ. Проф. Иванцовъ-Платоновъ, проф. В. И. Несмѣловъ, еп. Теофанъ-затворникъ, преп. Серафимъ Саровскій. Цѣна 30 коп.

Выпускъ XXII-й: „О значеніи христіанскаго подвижничества въ прошломъ и въ настоящемъ“. Часть первая. Влад. Кожевникова. Цѣна 35 коп.

Выпускъ XXIII-й: „О значеніи христіанскаго подвижничества въ прошломъ и въ настоящемъ“. Часть вторая. Ето-же. Цѣна 35 коп.

Выпускъ XXIV-й: Церковь. Ея свойства и благодатная жизнь. (По А. С. Хомякову). Цѣна 35 к.

Выпускъ XXV-й: „Смыслъ страданій“. Сборникъ. Цѣна 30 коп.

2. Изданія „Религіозно-философской Библиотеки“:

1. О возрожденіи Русской церкви. Сборникъ: А. Панковъ. Н. Заозерскій. А. Иванцовъ-Платоновъ. Еп. Порфирій Успенскій. Н. Аксаковъ. А. Лебедевъ. Д. Симицкій. М. Новоселовъ. Цѣна 50 коп., съперес. 60 коп.

II. Высшее церковное управление въ Россіи. Сборникъ: Влад. Соловьевъ. И. Аксаковъ. Л. Тихомировъ. А. Иванцовъ-Платоновъ. Цѣна 40 коп.

III. Собрание академическихъ лекцій и статей по пастырскому богословію. Архіепископа Антонія (Храповицкаго). Цѣна 80 коп.

IV. Отношеніе социализма къ религіи вообще и къ христіанству въ частности Влад. Кожевникова. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

V. Общественное значеніе монастырей. Прис. Пов. Н. Кузнецова. Цѣна 25 коп.

VI. О. М. Достоевскій, какъ проповѣдникъ христіанскаго возрожденія и вселенскаго православія. Цѣна 40 коп.

VII. О добросовѣстности въ вѣрѣ и въ невѣріи (къ учащейся молодежи). Влад. Кожевникова Цѣна 15 к.,

VIII. Открытое письмо къ гр. Л. Толстому М. Новоселова Цѣна 10 коп.

IX. Константинопольская церковь. Очеркъ основныхъ началъ строя ея въ XIX вѣкѣ. П. Мансуровъ. Цѣна 1 руб.

X. Суды чести среди учителей М. Новоселова. Цѣна 10 коп.

XI. Вселенская Христова Церковь и „Всемирный христіанскій студенческий союзъ“. Его-же. Цѣна 10 коп.

XII. „Изъ разговоровъ о войнѣ“. Его-же. Цѣна 10 к.

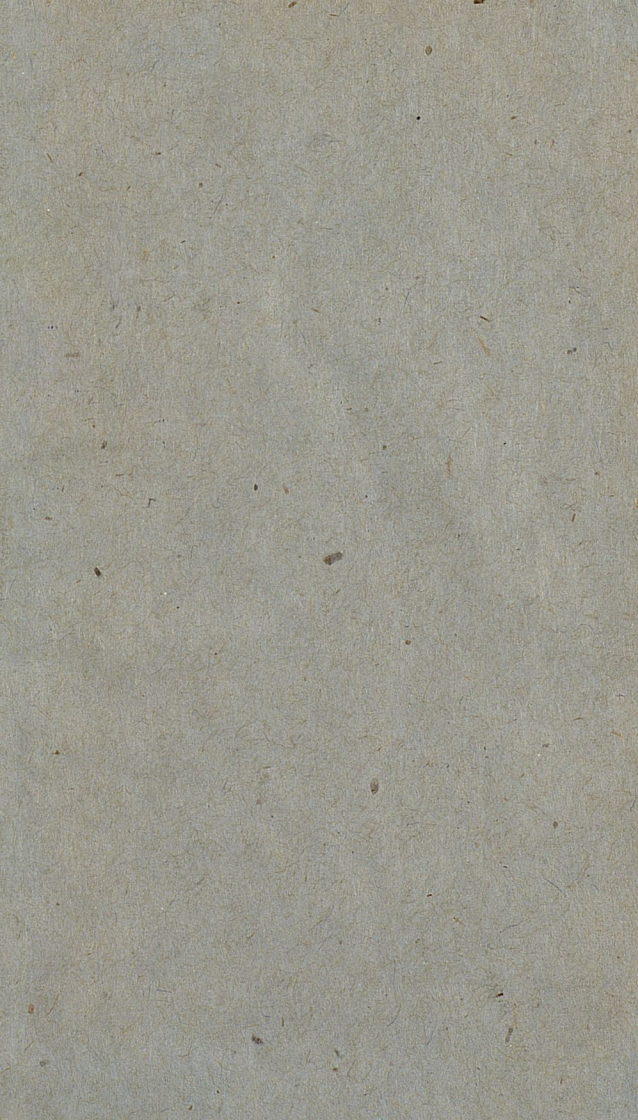
XIII. „Исповѣдь атеиста“ Влад. Кожевникова Цѣна 20 коп.

XIV. Религіозно-философскіе вечера“ Цѣна 70 коп. (Поступить въ продажу въ апрѣлѣ).

Продаются въ книжныхъ магазинахъ: „Правовѣдніе“ (Голубева), Тузова, Суворина, Карбасникова, и др.

Выписывающіе непосредственно отъ М. А. Новоселова (Москва, возлѣ храма Христа Спасителя, домъ Ковригиной, кв. 12) на сумму меньше одного руб. могутъ высылать марками, а не меньше 3-хъ руб. — не платятъ за пересылку. Можно налож. платеж.

Книгопродавцамъ обычная уступка. На комиссію книги не отпускаются.

2007341331